

С грохотом и треском обрушилась дверь и вставленное в её рамочку стеклянное окошко, с цветастой мозаикой. Вся задорная, пьяная, смеющаяся, пришедшая смотреть представление толпа разом умолкла — кто свистел, те перестали свистеть, кто выкрикивал что-то — замолчали. Линь Фан прошёлся вперёд, хрустя ступнями по стеклянным осколкам, и вдруг почувствовал острую боль. Он посмотрел на свои ноги и только сейчас обнаружил, что у него не было одной туфли.

Мужчина наклонил голову и стал растирать свою правую ногу о цветастое стекло, похрустывая осколками и размазывая по полу кровь. Закончив с этим, он пошёл дальше, внутрь бурого помещения, оставляя за собою кровавый след одной ноги.

Люди сперва растерялись; затем они стали шумно протискиваться вслед за мужчиной. В главном зале борделя началось столпотворение и довольно-таки приятная, для некоторых, толкучка. Зал заведения представлял собою просторное помещение. Пол был выкрашен в красное и застелен тут и там бурыми коврами. Повсюду стояли кресла, кушетки, столы и даже табуреты, о предназначении которых догадаться было довольно просто. Место напоминало скорее кабаре, чем бордель, но в том и была его главная идея. Следовало отдать должное, у хозяина заведения был вкус. Девушки развлекали не только самим телом, но и подачей.

Сейчас в главном зале находилось несколько десятков клиентов и работниц. И последние не только всячески спаивали мужчин совершенно бесплатными спиртными напитками, но и мелькали своими белыми телами. Но не все. Был контраст. Некоторые девушки были оголены с головы до ног, за исключением приклеенных тут и там звёздочек, в то время как другие были наряжены в платья, за которыми было совершенно ничего не видно.

Посетители заведения сидели на диванах и рассматривали девушек. Трогать в главном зале строжайше запрещалось, для этого следовало пройти по узкой лесенке на второй этаж, где располагались комнаты для уединения.

Когда Линь Фан ворвался в бордель, немедленно поднялся женский писк; девушки стали разбегаться, толкаться, падать; охмелённым гостям и вовсе сложно было прийти в себе. Какой-то толстяк живо рванул на лестницу второго этажа, но поскользнулся, свалился, заблокировал своей тушей проход и притих.

По красному помещению мелькали белые тела.

Толпа сперва заворожённо наблюдала всё это копошение; потом вдруг раздался грохот, скрипнула потайная стена в самом конце помещения, и появился вышибала, тот самый, похожий на гориллу. Всё это время он сидел в небольшом чуланчике, откуда через щель смотрел в зал. Таким образом он не волновал гостей своим присутствием, но и следил, чтобы сохранялся порядок. В случае если один из гостей заведения посмеет тронуть девушку не заплатив, вышибала немедленно появлялся, избивал его, забирал его деньги, разумеется, и выкидывал излишне пьяного, похотливого или просто неловкого человека на улицу.

Толпа уже привыкла к этому представлению и сразу же на него настроилась. Люди снова посмотрели на Линь Фана, сравнили его с огромным вышибалой, который уже шёл на него, грохоча ногами, как слон, и как будто протрезвели. Зеваки поняли, что мужчина был на самом деле, несмотря на немного грозный вид, простой буйный алкаш. Его недавно уже избили, но, видимо, не хватило — ещё захотел.

Люди расступились, открывая входной проём. Все они помнили, что обычно этот вышибала, по прозвищу Горилла, хватает нерадивых клиентов за шкуру, выбрасывает их из борделя, и

разбирается с ними уже на улице, чтобы не пачкать пол заведения.

Только пол уже был запачкан.

Меж тем на грохот пришёл другой вышибал, высокий и худощавый, с модной причёской. Он сперва был хмур, но когда увидел Линь Фаня слегка усмехнулся:

— Мало тебе было, ублюдок? Эй, Сун Чэнь, смотри какой он беспорядок устроил, — весело заговорил мужчина, опираясь на перила. — Тут нужно прямо капитальный урок давать, в лицо его. Вышиби дурь из башки.

Горилла не ответил. Он сперва шёл, а потом вдруг рванул на Линь Фана с кулаком на перевес. Но это был не удар. Линь Фан просто не мог назвать то, как горилла выкидывал свою руку, ударом. Старик, пошатываясь, шагнул вперёд таким образом, что кулак и ручища гориллы прошли слева от его лица. Потом мужчина быстро схватил их обеими руками, скользнул прямо на месте, на своей кровавой ступне, зацепил другой ногой Гориллу чуть выше пятки и в развороте потянул его к земле.

Горилла зашатался, потерял равновесие и с грохотом бахнул о землю. Всё произошло настолько внезапно, что сам он ничего не понял. Весь мир просто закрутился, и вдруг у него перед глазами открылся высокий потолок. А потом он увидел окровавленную грязную ступню, которая мощно опустилась ему на лицо и вбила его башкой в пол. А потом ещё раз, и ещё. Ещё.

И ещё.

Линь Фан колошматил опрокинутого вышибалу по голове. Мужчина бил совсем не жалея сил, смачно врезая ногой в уже сломанный нос Гориллы и разбрызгивая кровь. В какой-то момент тот пришёл в себя и попытался подняться, но Линь Фан сперва придавил ему, прямо когда он пытался встать, горло, а потом резким движением приподнял другую ногу и повернул её голову бугая. Раздался хруст. Шея гориллы повернулась, адамово яблоко набухло, как шишка, и массивное тело мужчины забилося в конвульсиях.

— Лежи, — прохладным голосом и щуря мутные глаза проговорил Линь Фан:

— Попытаешься встать — шею себе сломаешь, — сказал он. Но горилла его не слушал и продолжать брыкаться. Его лицо покраснело, налившись кровью, а ручищи задрожали на земле. Линь Фан взглянул на его ладони и вдруг вспомнил красные пятна на нежных ручках девочки, которые она медленно поглаживала сидя в машине.

— Знаешь, — вдруг сказал мужчина и встал возле ног гориллы.

— Ты явно не знаешь, как вести себя с детьми, так что... Считай это я так лишил тебя родительских прав, — проговорил Линь Фан и топнул по паху гориллы. Прозвенел леденящий душу рёв. Мужчины в толпе поморщились, девушки заохали, а другой телохранитель, совершенно онемевший от всего происходящего, невольно сжал коленки. Линь Фан занёс ногу и ударил ещё раз, а потом ещё несколько раз, пока между ног гориллы не стало разливаться мутное красное пятно. Сам вышибала к этому времени давно потерял сознание, — по губам его стекала пенка.

Тогда Линь Фан наконец отошёл от великана и взглянул, немного щурясь, на второго вышибалу. Его вдруг пробрала дрожь. Он повернулся и как безумный помчался на лестницу на второй этаж. Перед нею всё ещё лежала жирная туша. Мужчина её перепрыгнул, врезался головой о низкий потолок и, перебирая ступеньки руками, как обезьянка, быстро забрался

наверх.

Линь Фан проводил его взглядом, после чего повернулся к толпе. Но поворот получился слишком резким; мужчина зашатался и свалился на рядом стоявший диван.

— Фух... — прохрипел Линь Фан. — Как же раскалывается башка...

Зеваки смотрели на него, разинув рты.

<http://tl.rulate.ru/book/52126/1345791>